

12 КРУГОЗОР 71

СССР

СССР

Виктор Маматов, аспирант, чемпион мира и Олимпийских игр (Новосибирск):
«Думаю, что Олимпиада в Саппоро пройдет в духе дружбы, еще больше укрепят хорошие отношения между спортсменами».

Нина Статевич, студентка, абсолютная чемпионка мира и Европы (Ленинград): «В Саппоро будет много претендентов. Наши шансы, думаю, неплохие».

Вячеслав Веденин, студент, чемпион мира (Москва): «Я рос в деревне. Там впервые встал на лыжи. Да и почти все наши чемпионы начинали ходить на лыжах в деревне».

Нина Федорова, студентка, чемпионка мира (Ленинград): «Любимая тренировка? Приезжаю зимой в деревню к родителям, и мы едем с братом на охоту».

Федор Симашев, студент, чемпион мира (Москва): «На предолимпийской неделе в Саппоро снег оказался для меня особенно гладким».

Пройдет немного времени, и на Хоккайдо вспыхнет огонь Белой Олимпиады. Голоса ведущих советских спортсменов, членов Олимпийской команды, — на первой звуковой странице журнала. «Кругозор» желает больших успехов Олимпийской сборной.

Александр Тихонов, студент, чемпион мира и Олимпийских игр (Новосибирск): «Ни к чему я не готовлюсь с такой ответственностью, как к Олимпиаде».

Галина Кулакова, преподаватель-тренер, чемпионка мира (Ижевск): «Для меня гонка — это прежде всего борьба с одиночеством. Здесь главное — не жалеть себя, только так можно победить».

Людмила Титова, инженер-экономист, чемпионка мира и Олимпийских игр (Москва): «Олимпиада даже внешне отличается от любого первейства. В ней есть что-то величественное и... грациозное».

Назым Мужитов, студент, чемпион мира (Ульяновск): «Люблю вставать рано, когда роса на траве. Люблю косить, колоть дрова, ловить рыбу. Но больше всего люблю лыжную гонку и стрельбу».

Алевтина Олюнина, преподаватель-тренер, чемпионка мира (Горький): «Чтобы победить, нужно уметь хорошо настроиться на гонку».

Древние эллины вели счет времени по Олимпиадам. Похоже, что наш двадцатый век готов принять календарь эллинов... Олимпиады официально именуются «Олимпийскими играми», у каждой игр свой порядковый номер, год, город.

Участник Олимпиады уже не просто спортсмен, он олимпиец. А победитель игр не просто чемпион, а олимпийский чемпион. Звания этого в сочетании с приставкой «экс» нет. Пифагор — олимпийский чемпион. И не «был», а есть, так же, как Куц и Власов, Латынина и Медведь...

Возникновение Олимпийских игр освящено гуманистическими традициями. Еще в Древней Греции олимпийский огонь разгонял тучи войны. Олимпиада была смотром не только спортивной доблести, но и человеческого совершенства. Именно в этом русле развивается олимпийское движение в нашей стране. По нашим понятиям, олимпиец не только замечательный спортсмен, это человек, который и в жизни должен быть образцом для всех. Чемпион мира 1970 года на

**ЧТОБЫ
ПОБЕДИТЬ!**

среднем и большом трамплине Гарий Напалков — аспирант Горьковского педагогического института. Чемпионка гренобльской Олимпиады в спринте Людмила Титова за четыре года, отделившие Гренобль от Саппоро, окончила Московский авиационный институт, стала инженером. Чемпион мира и Олимпийских игр по биатлону Александр Тихонов награжден боевым орденом Красной Звезды: рискуя жизнью, Александр задержал и обезвредил вооруженного преступника. Мы называем сплав высоких человеческих качеств олимпийским духом и гордимся тем, что он присущ нашим спортсменам.

Сохранить Олимпийскую корону! Эту сверхзадачу придется решать на льду Л. Титовой и на трамплине В. Белоусову — олимпийским чемпионам Гренобля; «могучей кучке» хоккеистов — триумфаторам игр в Инсбруке и Гренобле; биатлонистам — сибирякам В. Маматову, А. Тихонову, В. Гундарцеву...

Едут в Саппоро и чемпионы мира, пока что не олимпийские чемпионы.

Это наш лыжный отряд, который учинил переполох на чемпионате мира в Высоких Татрах, увезя оттуда чуть ли не весь «золотой запас» — семь золотых медалей из десяти. У И. Родниковой и А. Уланова, нашей «золотой пары», задача еще более сложная: им надо и за себя постоять и за традиции, рожденные олимпийским дуэтом Белоусова — Протопопов.

И, наконец, едут на Белую Олимпиаду ветераны. Те, кому олимпийское счастье пока не улыбнулось. Четыре года назад в Гренобле Вячеслав Веденин на дистанции 50 тысяч метров отстал от победителя У. Эллефсетора приблизительно на девяносто метров. За эти четыре года Веденин прошел на лыжах, образно говоря, от Гренобля до Саппоро и все для того, чтобы отыграть злосчастные метры... Есть в нашей команде человек, совершивший чудо. Это Гарий Напалков, победивший на чемпионате мира 1970 года сразу на двух трампли-

нах. И надо же было так случиться, что весной этого года Гарий сломал ногу. Через сорок дней он был снова в спортивном строю. А ровно через три месяца, день в день, новый перелом. Тут и друзья и тренеры приуныли. Но ровно через двадцать семь дней Напалков поднялся на трамплин с искусственным покрытием. Доктора сказали: «Чудо». А Напалков пошутил: «Кто не рискует, тот шампанского не пьет». И тогда тренер Гария, человек строгих правил, припас бутылку шампанского: там, в Саппоро, его ученик и откроет эту бутылку.

Всем известно, что каждый хороший солдат должен знать свой маневр. Каждый настоящий олимпиец тоже. Все маневры наших олимпийцев подчинены стратегическому олимпийскому плану: «Все для победы — пусть не твоей, личной, если вдруг отвернется она от тебя, но для победы общей, ты обязан отдать все силы».

Юрий РЫТХЭУ

Фото Л. Лазарева

В каждый приезд на Чукотку я с особым волнением жду встреч со своими добрыми и мудрыми друзьями — косторезом Туккаем, знаменитым оленеводом Иваном Аренто, с артистами чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон», с бригадиром совхоза «Герой труда» Ниной Петровной Рануу — читателями и героями моих книг.

В этих людях лучшие черты моего народа. Его упорство и сила, любовь к труду, удивительно тонкое понимание красоты, особенно трогательное в людях, которым редко приходится видеть ласку природы. И поэтому мне хочется рассказать вам о моей суровой стране.

Лето там короткое и прохладное. Но после долгой зимы оно кажется таким щедрым даром природы, что люди не замечают частых дождей, штормов, туманов и туч комаров. Для северянина лето — это когда тундра расцветает живым ковром ярких цветов, когда озера, реки, прибрежные скалы оглашаются гомоном вернувшихся с юга птиц, а в тундровых долинах резвятся, креннут молодые олени. Летом на морские отмели, на галечные пляжи, сохраняющие холод даже в середине июля, вылезают моржи. И когда пролетаешь над побережьем, кажется, что это чрезмерно толстые и загорелые до черноты курортники залегли у полосы пенного прибора, купаются, спят, подставив тела лучам низкого солнца.

Бережно хранятся в памяти северянина мельчайшие приметы северного лета. Долгой полярной ночью под свист метели он

с нежностью будет вспоминать, как шел по мягко пружинящим кочкам, прислушиваясь к журчанию ручьев.

Много написано о зимних тундровых пургах, заносах, погребших подчас дома и поселки. Не буду отрицать — такое случается, но все же и северная зима имеет свои прелести. Нет ничего великолепнее зимнего северного неба. Благодаря особой чистоте воздуха небесные светила поражают своей яркостью. Но главным праздником зимы является Северное сияние. Не хватит слов самого богатого языка, чтобы описать это необычайное явление природы.

Словом, все времена года на Севере имеют свои неповторимые черты. Но для меня нет ничего дороже весны, которая начинается сразу с появлением солнца. Озаренная светом, отраженным от бесконечных снежных пространств, эта длиннейшая на земном шаре весна завершается уходом от побережья ледовых полей.

Так замыкается природный цикл. Человек Севера оказался сильнее пурги, морозов, бескрайних снежных пространств. И вот, чтобы выразить свое торжество над стихийными силами природы, мои земляки ежегодно устраивают арктическую Олимпиаду — Праздник Севера — смотр ловкости, народного искусства. На 1600-метровом кругу, огороженном флажками, соревнуются олени, собаки упряжки; борцы, раздевшись до пояса, с воинственными криками кружат, обхватив друг друга руками, и далеко по тундре разносятся песни.

Поставьте на проигрыватель вторую звуковую страницу журнала, и вы окажетесь на окраине полярного Мурманска среди тысяч зрителей, наблюдающих забег оленьих гонков, которыми открывается Праздник Севера.

ПРАЗДНИК СЕВЕРА

2

На фотографиях — Праздник Севера, который ежегодно проводится в Мурманске.

Среди тяжкого звона падающих штанг, стремительного шелеста велосипедных шин, среди шарканья и шлепанья боксерского поединка, футбольного гула, прорезаемого упругим звоном мяча, и хоккейного гула, где удары шайб о борт похожи на плотницкий перестук, — словом, среди всего, что составляет голос спорта, музыка порой не слышна. Но без нее, без музыки, нет спорта. Музыка в спорте — Работник, Конферансье, Символ.

Музыка работает, сопровождая упражнения в фигурном катании, художественной и спортивной гимнастике. Найти и составить это сопровождение очень трудно; тренеры, хореографы-постановщики и профессиональные композиторы ломают голову над тем, чтобы во временной отрезок протяженностью от полутора до четырех минут вставить иной раз несколько отрывков, принадлежащих порой не только разным авторам, но и разным эпохам, чтобы их слияние было органично и содержало развитие темы, чтобы мелодия подобно спортсмену взлетала, вращалась, падала и снова взлетала, чтобы она была близка спортсмену, вызвала в нем особый нервный подъем, но оставалась при этом сама собой.

На моих глазах родились несколько удивительных совпадений всех этих качеств. «Цыганочка» Ларисы Петрик, удостоенная золотой Олимпийской медали. «Русский калейдоскоп» Ольги Карасевой, виртуозное поупурри на темы частушек, которое делает исполнительнице с ее внешностью краснощекой и синеглазой мальтанской молодухи просто неотразимой на помосте. Марш Дунавского из фильма «Цирк», давший Людмиле Турищевой медаль чемпионки мира... Прошлой весной известный тренер по фигурному катанию Татьяна Тарасова сказала, что собирается для танцевального дуэта Татьяны Войтюк и Вячеслава Жигалина поставить произвольную программу на музыку из мультфильма «Бременские музыканты». Мысль казалась резонной хотя бы потому, что мелодии в этой мульт-

ти-оперетке, как вы помните, все веселые и смешные, буффонадные, что ли, а сложившиеся, отработанные маски дуэта вроде бы располагают к тому, чтобы устроить на льду дикое и непритязательное спортивное представление. Летом автор музыки, композитор Геннадий Гладков, по просьбе спортсменов и тренера заново отредактировал ее, а осенью я увидел черновой вариант катания. И понял, до какой степени мой взгляд на «Бременских» и на характер дарования Войтюк с Жигалиным был поверхностен и близорук. Музыка оказалась глубже, серьезнее, драматичнее, чем слышалась мне прежде. Под эту музыку разыгрываются четыре любовных дуэта — разных, но равно тонких, пылких, взволнованных и волнующих. Великолепен последний — от мягкого, томного, несколько цыгански-ленгвенного пиано в движениях он идет по нарастающей до искрометного диалога коньков, сравнимого

по прихотливой замысловатости разве что с поединком двух блестящих саблистов. Музыка же — вы ее помните: «Го-воят, мы бяки, буки, как выносит нас земля! Дайте, что ли, карты в руки — погадать на короля...» Даже представить трудно, что это тот самый пародийный романс, который поет нарочито аффектированным контраalto Олег Анфимов. Функции музыки как конферансье гораздо шире: она возводит спортсмена на арену и провожает с нее, сопровождает его на пьедестале почета, предваряет соревнования, развлекает публику в перерывах. Она обычно бодря и мажорна, и это всегда — уинсон победе и всегда диссонанс поражению, потому что без поражения победы не бывает. Помню, много лет назад Поллина Астахова, гимнастка неповторимого лирического дарования, в первый и единственный раз могла стать чемпионкой страны. И когда, кажется, шаг

МУЗЫКАЛЬНЫЕ БАЛЛЫ РЕКОРДОВ

С. ТОКАРЕВ
Фото С. Лидова

5

нуть осталось до этого титула, она упала с бревна — даже не упала, а необъяснимо прыгнула в середине комбинации, охваченная странным трансом. И все было потеряно: впереди оставались вольные упражнения, но было абсолютно ясно, что станет чемпионкой — тоже впервые, только не в тридцать лет, как Астахова, а в шестнадцать лет — Наташа Кучинская. И вот заиграл марш на переход к вольным, и Астахова, пра-вофланговая, повела колонну вдоль помоста. Она шла уставным шагом, отягивая носки, высоко закинув бледный и тонкий нестеровский лик, полный невыразимой печали, а марш трубил и пел: «Легко на сердце от песни веселой...»

Но мы все знаем случай, когда типичный конфанс стал символом вида спорта. Это футбольный марш Блантера, который и по сей час предшествует радио и телерепортажам. Мы привыкли к нему, и нам чудится, что его отрывистые последние такты — это еще не финал, что в мелодию входит наступающая вслед за ними не сравнимая ни с чем, наполненная тысячами дыханий тишина трибун, ожидания и что первые звуки напористой скороговорки комментатора — это тоже марш.

Он родился в середине сороковых послевоенных годов, в романтическую футбольную пору, когда мы, гордые Победой, совсем по-особому гордились, например, успехом динамовцев в Англии, зная, что иные из них совсем недавно сменили на бирзу пыльную солдатскую кирзу. Эта мелодия таит напор и утверждение, она немного грозовая, и футболистам, выбегающим под нее на поле, хочется, должно быть, не только бегать и финтить, но бить, забивать, вонзать мяч в сетку, и ноги наливаются этим неукротимым желанием.

Символом я назвал бы также спортивную песню, гимн вида спорта, гимн соревнований — олимпийский, например, который пишется непременно к каждой Олимпиаде... Слушайте пятую звуковую страницу.

Юрий СААКЯН

Любовь моя велика,
любовь моя больше меня.
И это не я сейчас на берегу стою.
Сейчас я — вода, бегущая вниз,
сейчас я — форель, устремленная
против течения,
я — камень, лежачий возле воды.
дерево, свисающее со скалы,
старый мост, соединяющий берега,
и древняя крепость.
И если кто-то сейчас пожелает,
может жажду мою водой утолить,
может удочку забросить — меня

поймать,
перешагнуть через меня или мной
запустить в чью-нибудь голову,
может ветки мои обломать, унести
и в надежде старые клды открыть —
сломасть крепостные стены...
Я живу на берегу этой реки
в тысяче и одном образе.
Я утратил конец и начало.
Утешь меня, Тартар, я прошу у тебя
утешенья...

Перевел с армянского П. Вегин

Николай ТРЯПКИН

У смеркшего дня, у стихающих
кринов —
Загадочный запах осенних овинов —
У смеркшего дня...
И в древнем чаду залегли огороды,
И стелется дым из-под каждой
колоды —
У смеркшего дня...
Скорее за пазуху соль да ковригу
Да прямо к старухе в знакомую
ригу —
У смеркшего дня...
И все там космато, в той жаркой
берлоге,
А старая ведьма сидит на пороге —
У смеркшего дня...
И все там, над печкой, в старинном
порядке:
Заглохли в дыму прокопченные
грядки —
У смеркшего дня.
А сверху, как пращуров тайная свита,
Уселось верхом головастое жито —
У смеркшего дня.
Скорей же пристройся на дымном
пороге!..

Да что же там шепчут овинные
боги —
У смеркшего дня!
Какие там скачут в углах пересветы?
Какие тут сны проводами пропеты —
У смеркшего дня?

Давай же раскроем глубинные книги
На черном пороге дымящейся риги,
У дедовских рек!
Покуда у сердца хватает старанья,
Покуда хотим запоедного знанья,
А ты — человек!..
У смеркшего дня, у знакомых овинов,
Заливисты нынче гудки лимузинов —
У смеркшего дня...
И только в душе глуховато немножко,
И где-то пропала знакомая стежка —
У смеркшего дня!

Кара СЕЙТЛИЕВ

Друг-охотник, не стреляй
в синеголовок,
Даже если очень меток и умел.
Ведь, когда по ним стреляют
из двустволок,
Птиц молчанье —
Как самой природы смерть.
Может, мать убьешь на вскидку
в иступленья,
И птенцы ее останутся в беде...
Мать убить —

Нет хуже в мире преступленья.
Пусть плывут синеголовки по воде.
Друг-охотник, не стреляй
в синеголовок

И озера кровью их не обагри,
Что в волнах —
То голубых, то бирюзовых —
Заалеют, словно отблески зари.
Не лишай их крыльев,
Данных им от вена,
Ведь нельзя без крыльев птице —
Быть беде!..

И, наверно, птицы верят в человека,
Оттого и приближаются к тебе.
Друг-охотник, брось двустволку,
Хоть и ловок,
Пусть с добычею тебе не повезло,
Добрым будь —
Оставь в живых синеголовок,
Ведь добро всегда прекраснее,

чем зло,
Ведь они и, не испытывая риска,
Опускаются к тебе: мол, это свой!
Полюбуйся, как они летают низко,
Как кружатся над твоею головой.

Перевел с туркменского
Анисим Кронгауз

Златоуст обязан своим возникновением залежам железа. В 1837 году на оружейной фабрике был откован первый клинок из знаменитого русского булата, по чистоте звона, красоте узора, гибкости и остроте не уступавший прославленным индийским и сирийским булатам. Профессия сталевара у нас чаще всего наследственная. Но Златоуст не только город металлургов. Златоуст — город спорта, город здоровья. В субботу и воскресенье Златоуст живет, как Сан-Ремо во время ежегодных фестивалей песни. Все его обитатели — от 8 до 80 — на лыжне. Всего в трехстах метрах от городской черты возвышается пограничный столб Европа — Азия, так что наши лыжники по несколько раз в день пересекают границу двух континентов. Еще в 1965 году горсовет решил поддержать увлечение горожан лыжным спортом. Первые же соревнования стали популярны среди населения. «Уральская снежинка» покорила детвору города. А в «Эстафете поколений», проводимой металлургическими и машиностроительными заводами, участвуют семьи и целые бригады. За городским прудом, на склонах гор, покрытых столетним сосновым бором, проложена особая лыжня. За сложность она названа самими лыжниками «Олимпийской трассой». Здесь проходят крупные состязания, тренируются ведущие мастера страны. Лыжники Златоуста пополнили сборные команды Челябинской области и РСФСР, не раз защищали честь нашей страны на международных соревнованиях.

город на лыжах

А. ПРИБЫТКОВ,
председатель исполкома
горсовета Златоуста

Фото Л. Лазарева

«Самая большая ценность похода в том, что через несколько дней после его окончания ты вдруг замечаешь, что стал чуть другим, чуть лучше, чем был раньше, чуть богаче» — это строчки из последнего письма Арика Круппа. На обратном штемпеле — Верхняя Гутара, Саяны.

Мы познакомились в Бресте. Был сентябрь 1965 года.

Мы сидели кружком у гранитной чаши. Тянули к жару ладони, и Вечный огонь становился от этого просто огнем.

У Арика черный чубчик упал на лоб, и вздрагивали на гитарной деке желтые ответвы, подстраиваясь под жесткий ритм песни. «А снег все тает, за лыжи хватает...» — пел Арик, и мы почему-то улыбались. Потом он пел: «Все леса, леса, леса Белоруссии», — и свистел в строчках песни ветер.

Огонь обрисовывал заросшие травой форты и флечи старой крепости, светлели развалины клуба, за который так яростно дрались в том далеком июне.

Кончался Всесоюзный слет туристов «Дорогами отцов». Я смотрел на хрупкую фигуру в зеленой форменке и не представлял Арика в горах.

Из письма минских туристов: «Как-то уговорили его поехать на Кавказ. «Что я натворил! Как я разорил и себя и песни!» — так он написал, когда вернулся. Вакуриан разочаровали Арика. Он хорошо знал Хибины и Приполярный край, считал, что только в северных горах человек может испытать себя и убедиться в надежности тех, кто идет впереди и следом».

Потом был второй слет «Дорогами отцов» — в Москве. В последний день собрались делегаты в большой гулкой палатке. Пел ленинградский инженер Женя Клячкин, пела московская студентка Ли-

ля Фрайтор, горьковчанин Володя Минаев. Концерт шел по нарастающей. Поройся Арик в памяти, и он мог бы «выдать что-нибудь такое». А он дернул струны и почти проговорил: «Идем искать ровесников следы, тех самых, что на четверть века старше нас...» В палатке наступила тишина. Как тогда, в Бресте. На московском слете Арик Крупп стал лауреатом конкурса песни.

Магнитофонная запись разговора с композитором И. Лученком: «Я услышал несколько лет назад песню о ровесниках и, признаться, удивился, когда узнал, что написал ее не профессиональный автор, а инженер. На одном из вечеров встретился с Ариком Круппом. Договорились, не откладывая надолго, посидеть за роялем, с гитарой, конечно. Хотели

ЕСТЬ В САЯНАХ ПЕРЕВАЛ ПИХТО

Б. ВАХНЮК

попробовать что-то сделать вместе. Арик снова уходил в горы». Странно: даже те, кто, казалось, хорошо знает Арика Круппа, только теперь узнают о многом, что было у него, кроме песен. О работе инженера-испытателя. Об изобретениях, которые он сделал на пути к диссертации.

Из письма минских туристов: «Горы были зимой, лето Арик отдавал Белоруссии. Прошел на шлюпке, на байдарке всю республику, посвятил ее тихой красоте много песен. Он привык довольствоваться малым. Местом в общезнании, свежей сорочкой, книгами, гитарой. Чего он искал в походах? Одиночества? «Нам еще долго не видеть людей, значит, есть время подумать о них». Стихи он писал всегда. В

Лиенае, где жил школьником. В Ленинградском институте киноинженеров. В Минске, куда он получил распределение. Сначала это были просто стихи. Потом с ними стали возникать мелодии.

Из письма студентов Казанского медицинского института: «Мы плыли на теплоходе в Ялту. Одесский турклуб организовал такой плавающий конкурс сочинителей песен». Арик Крупп, маленький человек со смешно торчащими ушами, с черными удивленными глазами, говорил у нас в каюте Александру Дольскому, аспиранту из Свердловска:

— Я не умею так красиво улыбаться и так красиво говорить, как ты, Саша. Но ведь это и не главное. Не в этом человек. Я плохо знаю тебя в жизни, но я знаю твои песни. Это хорошие песни, я их очень люблю. Мне кажется, что лучше всего человек проявляется в песне. В ней нельзя солгать...»

Саяны — это хвойный лес
и белизна берез.
Саяны — это синь небес
и мартовский мороз,
И в пасти черно-белых гор
таблеточка луны...

Это не успело стать песней. Эти строки нашли в записной книжке Арика Круппа. В рюкзаке, вытасненном из-под снега. На спуске с перевала Пихто. Группу альпинистов накрыла лавина.

На четвертой
звуковой странице —
песни А. Круппа,
которые и сегодня
звучат в походах,
у костров,
на туристских
слетах.

Муса ДЖАЛИЛЬ

ИЗ МОАБИТСКОЙ ТЕТРАДИ

Новые переводы

Рисунки
П. Цепелинского

ЛИШЬ БЫ ВОЛЮШКА БЫЛА

Если б я, как юркий стриж,
 Небо крыльшками стриг,
 В час, когда погаснет жар
 Семизвездия Стожар,
 Край родной, земля моя,
 Прилетел к тебе бы я,
 Вспыхнет лишь зари пожар.
 Если б быстрой рыбой был,
 Плавниками воду бил!
 Яростная пусть река
 Хлещет пеной в берега —
 Верь, тростиночка моя,
 Все равно приплыл бы я
 Через бурный перенат.
 Вудь я сказочный Туппар,
 Я бы ветры грудью рвал!
 В час, когда роса падет,
 Запахом цветов пахнет,
 Дочка, звездочка моя,
 Прискакал к тебе бы я,
 Только утро польхнет.
 Все отдам, сгорю дотла,
 Лишь бы волюшка была,
 Саблы яростной круги,
 Веспощадный карабин.
 Защищая дом родной,
 Я пойду в жестокий бой
 Как отчизны верный сын.

1942 г.

СМЕРТНИК

Сегодня суд был: приговор жесток.
 Последние часы измерить как?
 Не плачет он, глаза — колодцы слез —
 Давно уже сухи у смертника.
 Тюрьма притихла. Полный лик луны
 Печален за решеткой камеры.
 Подумал узник, что ирвинка-сын
 Осиротел, и сердце замерло.

1943 г., сентябрь.

СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Чудесное бывает состоянье —
 В избитом теле пламя польхнет,
 Цветок души стоит под ветром смерти
 И даже лепестком не колыбнет.
 От суеты раздумья далек,
 И гордая улыбка так легка,
 И словно черной воле вопреки
 Упругая рождается строка.
 От ярости беснись, палач проклятый,
 Грози мне казнью, ненавистный страж.
 Что смерть? В злочок бумаги спрятан
 Очиненный зубами карандаш!

1943 г., ноябрь.
Перевел с татарского
Спартак А х м е т о в.

Они встретились
 через тридцать
 лет. В амбарной
 книге, которую на-
 звали «журналом
 встречи» и поло-
 жили анноту, в ве-
 стибюле интерна-
 та, записывались так: «с сыном и
 внуком», «с женой, сыном и внуком».
 Там, где стоит интернат, тридцать
 лет назад, в ленинградскую блокаду,
 был пустырь, покрытый чахлам мел-
 колесьем. Не было станции метро
 «Дачное», и этих обжитых проспек-
 тов, и скверов.

На бывшем пустыре, где стоит интер-
 нат, когда-то погнб «экипаж комэска
 Николая Смирнова».

Бомбардировщики возвращались с за-
 дания, на малой высоте выскочил ле-
 тчик с нашей стороны «хейнкель»,
 подло замаскировавшийся под «сво-
 его»...

Короткий бой, и печально-памятным
 стал для полка этот пустырь.

Как по тревоге, через тридцать лет
 со всей страны собрались однополча-
 ны в Ленинграде. Теперь уже пожи-
 лые, седые люди, у которых была об-
 щая фронтовая молодость и могла ока-
 заться общая смерть. Многих унесла
 война, сократили жизнь старые ра-
 ны. Но и через тридцать лет отклик-

тридцать лет спустя

Из истории
125-го полка
ликвирующих
бомбардировщиков

На фото: бойцы вспоминают ми-
 нувшие дни. Я. Ф. Марьяновский,
 В. К. Солдатов, В. А. Сандалов,
 А. В. Поздняков, А. И. Евтюшин.

нулись герои на торжественной церемонии:

— Первый командир полка майор Кобец.

— Погиб смертью храбрых в июне 1941 года... Приехала его жена.

— Командир эскадрильи капитан Резвых.

— Погиб смертью храбрых. На встречу приехали его жена, сын и внуки.

— Младший лейтенант Иван Черных.

— Погиб смертью храбрых, повторил подвиг Гастелло. Приехали школьники из школы № 28 имени Героя Советского Союза Ивана Черных города Прокопьевска.

— Лейтенант Семен Косинов.

— Погиб смертью храбрых, повторил подвиг Гастелло. С родины героя, из Курской области, приехали учащиеся Успенской сельской школы имени Героя Советского Союза Семена Косинова...

«Никто не забыт, ничто не забыто» — детской рукой выведено на кумаче в актовом зале интерната. А над сценой, с которой старые и усталые ветераны глядят на своих взрослых детей, над сценой — другой плакат, плакат-рассказ, плакат-символ. Острый шпиль Петропавловки. Две зенитки на переднем плане. Аэростаты, развешанные над силуэтами домов. Желтый

сектор прожектора. Красным — пламя над сбитым самолетом...

«Вечная память погибшим, вечная слава живым».

Мало осталось их, ветеранов первого — еще довоенного состава — знаменитого бомбардировочного полка.

За первые пять месяцев боев за Ленинград погибло шестеро из каждого десятка летчиков. И это был уже собственно второй с начала войны и после пополнения 125-й полк пикирующих бомбардировщиков.

Семь дней прожили в детском интернате ветераны. Многие впервые увидели Ленинград в подробностях, не с воздуха, не из кузова санитарной машины, увидели город близко, конкретно. Вместе с семьями ходили они в Эрмитаж, ходили в Смольный, были в Мраморном дворце, где выставлены бесценные ленинские реликвии.

На третий день они все — с детьми, внуками, женами, почти триста человек, — поднялись рано утром, доехали на метро до Балтийского вокзала и электричкой направились в Чудово. Здесь, над старинным городком, над железнодорожной станцией набитой вражескими шелонами с техникой и горючим, тридцать лет назад прощались трое героев свое последнее: «Прощайте, друзья, прощайте, товарищи!» В небе над Чудовом, у границ

Ленинграда, они выпили последний глоток золотой жизни...

Командир Черных, штурман Косинов, стрелок-радист Губин.

Бригадир бригады имени Героя Советского Союза Губина с шахты «Восточная» города Читы Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Владимир Иванович Ардин доложил на встрече, что в восьмой пятилетке шахта «Восточная», откуда уходил Губин на фронт, добилась высокой производительности труда и стала одной из лучших шахт страны. На Киселевском машиностроительном заводе имени Черных в бригаде имени Ивана Черных четверо слесарей выполняют норму за пятого, который тридцать лет назад ушел с Киселевского завода в бомбардировочный полк. И сегодня по традиции уходят служить ребята с завода в гвардейскую часть, в списки которой навечно зачислен их земляк Иван Черных...

Вечером в коридорах и классах интерната совсем домашняя и мирная картина. Смотрят телевизор. Поют старинные военные песни...

Полковник П. ДУНАЕВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото С. Зинина

шай-бу! шай-бу!

Фото
А. Лидова

Документальные киноленты первых послевоенных лет трогательно берегут облик тогдашнего нашего хоккея. Мягкие шапочки с помпоном, длинные «лыжные» брюки. И на ледяном поле, ограниченном не пластиковым бортом, а низким барьерчиком, мечется от клюшки к клюшке черная тугая «пластинка» — так называли в те времена ныне всемирно известную шайбу.

Многие, между прочим, считали, что каучуковая «пластинка» не сможет достойно конкурировать с плетеным мячиком и «хоккею канадскому» не суждена долгая жизнь на нашем льду. А новичок взял да и опрокинул прогнозы скептиков.

Корреспондент «Кругозора» встретился с одним из мастеров старшего поколения, с человеком, для которого начало биографии советского хоккея было и началом

спортивной биографии. Это Анатолий Владимирович Тарасов. Кандидат педагогических наук. Один из наставников нашей сборной. Старший тренер клубной команды ЦСКА.

«Кругозор». Ваше первое знакомство с хоккеем, Анатолий Владимирович?

Тарасов. Знакомился дважды. Впервые — в феврале 1938 года. Я учился в высшей школе тренеров и проходил курс футбольно-хоккейных наук у выдающегося педагога Михаила Давыдовича Товаровского. Магическое воздействие этого человека и помогло запомнить первую встречу, хоть была она мимолетной — всего лишь восьмичасовой урок хоккея.

Со дня второго знакомства прошло ровно 25 лет. Да, 22 декабря 1946 года руководители нашего спорта окончательно решили, что хоккей способен и достоин стать массовой спортивной игрой в стране. Мы в те дни просто играли, не думая о том, станем ли когда-то тренерами. Знали, что готовимся к Олимпиаде, желали поехать туда, чтобы драться за очки, доказать силу нашей страны.

«Кругозор». Как хоккеист, могли бы вы назвать самый памятный для вас день?

Тарасов. Мне повезло, что я играл в великолепном коллективе московских армейцев. Что я этот коллектив тренировал. Что жизнь сводила меня с очень интересными людьми в различных ситуациях, в том числе и игровых. Мне повезло быть рядом с выдающимися спортсменами Всеволодом Бобровым, с Евгением Бабичем, с Владимиром Никаноровым, Григорием Мкртычаном, Николаем Сологубовым.

Какой из этих дней должен был стать самым памятным? Пусть не подумает читатель, что вся жизнь хоккеиста Тарасова и тренера Тарасова — дорожка, усыпанная розами. Самое сложное не в том, чтобы отыграть игру, провести важный матч. Самое сложное в том, чтобы каждый день тренировать команду по-новому, приходиться на площадку обязательно с отменным настроением, с материалом, над которым ты долго думал, и получать удовольствие от того, что твои воспитанники не шадят себя, растут у тебя на глазах — и не только как хоккеисты... Но раз вы настаиваете — вот самое памятное: февраль 1948 года. Первый международный матч сборной Москвы (я был играющий тренер) с чехословацкой командой ЛТЦ, с лучшей европейской командой того времени. И первая победа — 6:3!

«Кругозор». А самый радостный тренерский день, Анатолий Владимирович?

Тарасов. Ну, конечно, нет у нас, тренеров, большей радости, чем в те дни, когда побеждает наша сборная. Тем более в последние годы, когда победы наших хоккеистов следуют одна за другой...

И все-таки даже в большой праздник я не позволяю себе забыть год 1946-й и скромную на общем фоне победу не хоккеистов, а футбольной команды ВВС, которая, опередив коллег по второй лиге, перешла в лигу высшую. Первая большая победа молодого спортивного коллектива и молодого тогда еще футбольного тренера.

Интервью вел А. МАЛЯВИН

Поставьте на проигрыватель третью звуковую страницу. Вы услышите монолог тренера А. Тарасова о мужестве спортсмена, произнесенный у хоккейного бортика.

МЫ ВЫШЛИ К ДОМУ

8 РАСКОЛЬНИКОВА...

ПИСАТЕЛИ О КЛАССИКЕ

Достоевский для меня — даже не один из тех писателей, а, пожалуй, единственный из писателей, у которого ничто с годами не становится навывным и ничто не стареет, ни от чего не отказываешься, ничто не кажется не соответствующим времени. И дело тут не только в той глубине проникновения в человеческую душу, в характеры людей и не только в ощущениях, которые рождает с теми или иными героями и заставляют сопереживать, сочувствовать им, но и в тех громадных нравственных, этических проблемах, которые он поднимает. У Достоевского все живет, все главное, все остается тем значительным, мучительным, неразрешимым, что нас и сегодня заставляет волноваться, страдать и ставить себе те же вопросы, что ставили его герои, что ставил он сам. Я бы никогда не решился ответить на прямой вопрос: чем мне дорог Достоевский, в чем я вижу его значение? Достоевский — это целая страна, целый мир, в котором можно найти все необходимое для жизни человеческой души, все, чем и по сей день мучается каждый из нас...

«Чтобы понять поэта, надо побывать на его родине», — говорил Гете. Побывав в Лондоне, лучше понимаешь Диккенса. Побывав на Кавказе, лучше понимаешь Лермонтова. Побывав на Украине, иначе читаешь Шевченко. И так далее. Однако есть тут один секрет. Общеизвестные истины и есть наиболее любопытные истины, и часто они вовсе не истины, а бывшие сложности, от которых отступились.

Однажды вместе с внуком Достоевского, Андреем Федоровичем Достоевским, мы обошли места, связанные с «Преступлением и наказанием». С нами был мой товарищ — чешский писатель, литературовед, специалист по Достоевскому Франтишек Каутман. Поход фактически был затеян ради него.

Итак, отправились мы, руноводимые Андреем Федоровичем, человеком самим по себе весьма примечательным. Инженер, фронтовик, он, выйдя на пенсию, целиком посвятил себя делам своего великого деда. Впервые я столкнулся с ним в хлопотах по созданию в Ленинграде памятной квартиры-музея Достоевского и с тех пор не раз убеждался в его доскональном знании малейших обстоятельств, связанных с петербургской жизнью Достоевского. И вот сейчас, когда мы вышли на проспект Майорова, Андрей Федорович начал рассказывать, где и что было в те годы, то есть сто лет назад, — увеселительные заведения, трактиры, распивочные — здесь и на соседних улицах. Он видел район глазами современников Достоевского, в подробностях зная историю почти каждого дома...

Бывают иногда странные совпадения, но я помню, в этот день нам попадались навстречу какие-то старушки с собачками, какие-то парни стояли в подворотне, на углу старики играли в шахматы на ящике.

Вода в канале Грибоедова была зеленоватая, грязная. На бывшей Сенной, возле бывшей гауптвахты, где сидел Достоевский, шла ярко раскрашенная женщина. Она посмотрела на нас глазами Сонечки... Может быть, это, конечно, детали, которые отбирал глаз соответственно настроенно, не знаю, но, во всяком случае, ощущение Петербурга тех лет вдруг проявилось, всплыло...

...Мы свернули от улицы Пржевальского, и Андрей Федорович привел нас к дому, где жил Раскольников...

Даниил ГРАНИН

«Дом, где жил Раскольников, сохранился почти в том же самом виде...» Продолжение рассказа Даниила Гранина слушайте на восьмой звуковой странице журнала.

Гравюра Ю. Космынина

нейстремимая любовь

Рисунки А. Брусиловского

ОХОТА НА ДРЕЙФУЮЩЕЙ ЛЬДИНЕ

Мне не повезло: когда я прибыл на станцию «СП-15», льдина подбиралась к полюсу, а в столь высоких широтах медведи прогуливаются редко. Летчик М., прилетевший с грузом на дрейфующую станцию, поделился с зимовщиками своей крупной мечтой: он очень хочет подарить жене собственноручно добытую медвежью шкуру. Ребята переглянулись. Люди чуткие и отзывчивые, они не могли упустить такого счастливого случая.

Всю ночь, пока летчику снился неубитый медведь, местные умельцы соорудили снежную фигуру зверя и потом надели на него вывороченную наизнанку шкуру. Зверюга получилась вполне натуральной. Приемочная комиссия поставила скульпторам пятерку, и Северный полюс огласили панические вопли: «Медведь! Спасайте! Стреляйте!»

Разумеется, М. выскочил из палатки одним из первых. Винтовка плясала в его руках. «Не стреляйте! — кричал он. — Дайте мне!» Ему охотно пошли навстречу, и М. одну за другой метко всадил четыре пули в собственную шубу, изодрав ее в клочья... Охота на другого медведя, будучи не менее оригинальной, прошла, однако, успешнее. На льдину прилетели киношники. Несколько дней они снимали разные бытовые сцены, но — творческий каприз! — им просто до зарезу не хватало в кадре медведя. А медведи, которых совсем недавно было вокруг как собак нерезаных, словно договорились — ни одного! Расстроенные киношники уже собрались улетать, как вдруг ночью в расположенные лагерь забрел долгожданный медведь. Разбуженный оператор выскочил из домика с камерой в руках и бросился... как собака по снегу! Медведь — бежать, оператор — за ним! Такого необычного красса полярники, пожалуй, еще не видели. А второй оператор тоже снимал, но не медведя, а своего полуголого коллегу. Вот это настоящие кадры, не правда ли?..

Нашему корреспонденту писателю Владимиру Санину удалось побывать на обоих полюсах земли — Северном и Южном. И привезенные им впечатления укрепили уверенность в том, что человек, где бы он ни находился, не в состоянии расстаться со спортом. На дрейфующей льдине он охотится, на ледовом континенте играет в футбол. Нет, воистину нейстремима любовь человека к спорту!

КАК ИГРАЮТ В ФУТБОЛ В АНТАРКТИДЕ

После трудного ледового похода вдоль Антарктиды «Обь» подошла к Антарктическому полуострову. Рядом с ним, на острове Ватерлоо, 150 лет назад открыто Веллингсаузенем и Лазаревым, расположены две научные станции — советская и чилийская. Коллективы станций так дружны, что иной раз в нашей кают-компании чилийцев больше, чем в их собственной, и наоборот.

— Сыграем в футбол? — предложил начальник чилийской станции Вилья. Идея была принята с энтузиазмом. Стояла великолепная осенняя погода — градусов пятнадцать мороза, ветер умеренный, с порывами до сильного. Для игры был выбран свободный от снега участок берега, покрытый гравием. Одной боковой линией служило ледяное поле, другой — толпа болельщиков, в которую затесалась дюжина пингвинов, больших любителей всякого рода зрелищ. Пингвины оживленно перекаркивались и ожидали начала представления.

Судья — океанолог Шахвердов дал свисток, и игра началась. Футболисты с такой энергией забегали по полю, что из гравия посыпались искры.

Поначалу игрой овладели чилийцы. Будучи представителями латиноамериканского футбола, они неистово любили мяч и, овладев им, считали священным долгом обвести всех противников, сделать самому себе пас пяткой, коленкой и головой и в падении ударить по воротам. Особенно отличался левый крайний Алексис Заморано. Его удары были столь коварны, что лишь фантастические прыжки вратаря — радиста Бориса Жемова спасали команду от верных голов. Но вот игра выровнялась. Вортмеханик полярной авиации Женья Славнов после одного великолепного рывка оставил позади себя защитников и ударил по мячу с такой силой, что выползший на берег тюлень был буквально выброшен обратно в море. Первый тайм — ничья. 0:0.

В перерыве к нашим болельщикам с «Оби» подошло подкрепление. Ребята рассказали, что старпом Сергей Алексеевич велел передать, что в случае поражения вся футбольная команда будет до конца рейса чистить картошку на камбузе. Поэтому второй тайм начался бурными атаками наших футболистов, и, хотя чилийский вратарь прыгал, как кузнечик, вытаскивая самые безнадёжные мячи, два раза его мастерство оказалось бессильным. Сначала повар Ваня Волокитин, проравшись по центру, редким по красоте ударом вбил в ворота зеваку пингвина. Гол не засчитали, так как судья решил, что Ваня был в офсайте. Судью освистали. Зато второй гол стал украшением матча. Кандидат биологических наук Арнаутов, перед которым маячил огромный неначатый мешок картошки, яростно лез в самое пекло. И его усилия не пропали даром. Выбрав момент, когда сильнейшим порывом ветра чилийского вратаря выдуло из ворот, Арнаутов вогнал мяч в сетку.

— Автографы потом! — под ликующие крики провозглашал Арнаутов. — Фисенко, лавровый венюк на камбуз! Этот гол так и оказался единственным в матче СССР — Чили, вписавшем новую замечательную страницу в историю антарктического футбола.

Красное солнце, первая снежинка и пять колец — эмблема XI зимних Олимпийских игр, которые состоятся в Саппоро, на самом северном японском острове Хоккайдо, с 3 по 13 февраля 1972 года.

Говоря о природе Хоккайдо, японцы любят сравнивать ее с природой России. Невысокие сопки поросли березами и елями. Зимой глубинные снега на несколько месяцев окутывают землю.

Центром Олимпиады будет парк Макоманай, в девяти километрах к югу от города. Здесь олимпийская деревня. На берегах небольшой речки построены два главных стадиона, арены — большая спортивная и ледовая. В день открытия в торжественном марше под флагами 33 стран пройдут 1360 спортсменов. Прозвучат фанфары. Взойдется фейерверк. Над восточной трибуной в бронзовой чаше, созданной по проекту известного японского скульптора-конструктора Мунемити Янага, вспыхнет огонь, доставленный в Саппоро с Олимпа.

Пять лет саппороцы готовились к торжествам. За это время Саппоро вступил в семью городов, население которых превышает миллион человек. Впервые в истории зимних Олимпийских игр хозяином соревнований станет такой большой город. Построены отели, проложены автомобильные магистрали, центр города и олимпийскую деревню соединила первая на Хоккайдо линия метро. Ожидается, что в Саппоро приедут около 900 тысяч гостей.

В феврале 1971 года на международной зимней спортивной неделе были опробованы спортивные сооружения Саппоро.

Большая спортивная арена предназначена для конькобежцев. Крытый зимний стадион, вмещающий 12 тысяч человек, для «зрелищ» — хоккея и фигурного катания. Горнолыжный курорт Тэинз-Олимпия обычно место от-

дыха жителей Саппоро. Горы, лес, вдали извилистая линия побережья Японского моря. Здесь проложены ледовые трассы бобслея, здесь пройдут слалом и гигантский слалом для мужчин и женщин.

Для скоростного спуска выбрана гора Энива в национальном заповеднике на берегу озера Сиоцу. Самое удаленное место Олимпиады — в 37 километрах от Саппоро.

Трамплин на горе Окура — одно из лучших спортивных сооружений, построенных к Белой Олимпиаде. Расчетная мощность его — 90 метров. Но уже в прошлом году дальность рекордного прыжка японского спортсмена Касая достигла 112,5 метра.

Ежегодно в начале февраля в Саппоро проводится «Снежный фестиваль». Создаются десятки гигантских скульптурных композиций из снега и льда. В этом сказочном зимнем царстве прозвучит музыка, привезенная на спортивное празднество со всех концов земного шара.

Е. ОКСЮКЕВИЧ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Эти снимки сделаны в Саппоро во время международной спортивной недели — генеральной репетиции будущей Олимпиады.

В феврале 72-го миллионы телезрителей увидят Саппоро почти таким же, каким он изображен здесь: вспыхнет огонь на центральной арене, по склонам помчатся лыжники, фантастические фигуры «Снежного фестиваля» будут приветствовать гостей и спортсменов.

под
созвездием
пяти
колец

Фото автора

«КРУГОЗОР» — ОЛИМПИАДЕ

«Кругозор» совместно с японской фирмой «Виктор» издает специальный выпуск звукового журнала, который будет распространяться на Белой Олимпиаде. Помещенные на его страницах статьи, интервью, фотографии рассказывают о советских спортсменах. Читатели и слушатели приветствуют чемпионы мира и Олимпиад, артисты и музыканты. На долгоиграющем диске — стереофонические записи советских и русских песен.

SAPPORO '72

«Кругозор» на японском и английском языках.

На этот раз, прежде чем открыть двери «Кабачка»,стройте, пожалуйста, ваш проигрыватель поближе к окну. Затем, едва лишь иглонка коснется звучащей странички — она обозначена номерами 9 и 10, — чуть-чуть приоткройте шторы так, чтобы комнатный свет не мешал вам разглядеть заснеженную улицу, заметенные

наши лучшие новогодние пожелания и чувство искреннего и неизменного уважения...

Зиновий ГЕРДТ

киоски, кутающихся в синтетику прохожих. Посетители «Кабачка», живущие в субтропиках и в южных районах Средней Азии, могут вместо приоткрывания штор прикрывать глаза и вообразить себе заснеженную... заметенные... кутающихся... Программа сегодня составлена с большим прилежанием. Чуткий посетитель уловит в ней и восхищение зимним пейзажем, и настоятельные призывы к зимним радостям — и лыжам, к салазкам, к хоккею с шайбой, к моржеваниям в польныхях и прорубях — и, главное, уловит

На фото: Муслим Магомаев, Екатерина Шаврина, Карел Готт, квартет «Аккорд», Нат Кинг Кол, Эдита Пьеха.

слушайте

В

номере

№ 12 (93) декабрь 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Голоса нашей биографии. На трассе Гренобль—Саппоро. Звуковые автографы чемпионов мира и Олимпиад.
2. Зимний репортаж. От Каменного пояса до Полярного круга. Репортаж ведет И. Цибульский.
3. Хоккей воспитывает мужество. Заслуженный тренер СССР Анатолий Тарасов размышляет о стратегии и тактике ледовой дружины.
4. Страница туриста. Песни А. Круппа: «Лыжня к людям», «Заморозки», «А я по вас соскучился, ребята».
5. Мелодии зимнего Олимпа: «Обогнать ветер» (Гренобль). Музыка Ф. Лэ. Исполняет М. Матье и хор: «Земля покрыта чистым белым снегом» (Саппоро). Музыка Ю. Косеки. Хор и оркестр под управлением автора.
6. Танцевальные ритмы: «Русская», «Между таймами». Автор музыки Г. Гаряня.

7. История бессмертного бомбардировщика. Реставрация подвига.
8. «Я — репортер «Кругозора». С Даниилом Граниным по местам Достоевского в Ленинграде.
- 9—10. В новогоднюю ночь. Гости «Кабачка 33½ оборота»: квартет «Аккорд», М. Магомаев, Е. Шаврина, Карел Готт, Э. Пьеха и ансамбль «Дружба», Нат Кинг Кол.
11. Бах в спектре времени. Музыкальное путешествие в XVIII век. Фрагменты ми-мажорной партиты для скрипки соло и хорала из 147-й кантаты.
12. Эстрада планеты. Поет квинтет «Пинкира» (Япония): «Романс о звездном небе», «Сезон ветров», «Незаметно».

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:
«Мо-лод-цы!»
Рисунок
Г. Черемушкина.

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, 113326
Пятницкая, 25
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
2/XI 1971 г.
В 06045
Подписано к печ.
19/XI 1971 г.
Формат
бумаги 60 × 84¹/₂.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2084. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Электронная музыка и Бах. Странное сочетание! Нужно ли!

Электронная музыка — дитя нашего времени. Сейчас ею увлечены многие конструкторы и музыканты. Первые создают специальные технические аппараты, вторые при их помощи сочиняют так называемую электронную музыку. Пока в этой области период самых широких, можно сказать, неограниченных поисков.

На первых порах приверженцы электронной музыки создавали только оригинальные сочинения, и это было естественно. Но вот в 1957 году Уолтер Карлос попробовал связать электронное звучание с традиционной, «обычной» музыкой. Семь лет спустя он продемонстрировал фа-мажорную инвенцию Баха, исполненную на электронном синтезаторе Роберта Муга.

Противники новшеств обычно не признают такого современного озвучивания классики, забывая, что в этом деле композиторы-аранжировщики сегодняшнего дня не были первыми, как наверняка они не будут и последними, хотя бы потому, что первым экспериментатором в баховской «лаборатории» был сам Бах.

Переделал же он прелюдию из ми-мажорной партиты для скрипки соло в часть из 29-й кантаты! Он, транспонировав ее тоном выше, переложив ее для органа, прибавив трубу, литавры, струнные и гобои, изменил даже характер произведения. Но удивительная вещь! Он отделился к самому себе с тем же пиететом, каким теперь, двести лет спустя, его имя окружили «транскрипторы» космического века. Он не изменил ни одной своей ноты! И несомненно, что принцип «нота в ноту» содержит в себе нечто большее, нежели стремление человека, переписывающего собственный текст, отнестись с элементарным уважением к самому себе. Почему бы не предположить, что Бах, как и мы, ощутил чувство некоего смирения, оказавшись перед найденным им самим драгоценным музыкальным камнем. И не в стройжайшей ли, не в незыблемой ли геометрии этого камня секрет его прочности, тайна его удивительной сопротивляемости времени, ценность каждой его грани!..

Известно, что даже эта музыка не избежала временного (и достаточно долгого) забвения. Но уже в 1782 году она ослепила первого «посвященного» — Моцарта. Тогда же 16-летний Моцарт переложил несколько фуг Баха для струнного трио.

Процесс «освоения» Баха в подлиннике шел медленно. Почти двести лет продолжалось долгое и сложное осознание циклопического наследия лейпцигского кантора. В середине же XX века произошло и нечто иное. Новые средства выразительности, новые виды музици-

БАХ В ЭЛЕКТРОННОЙ
МАНТИИ

К. ПОРТУГАЛОВ

рования, связанные зачастую с громадным ростом слушательской аудитории, потребовали обращения к музыке, пожалуй, уже известной, даже привычной, любимой, прошедшей испытание временем. Быть может, лишь свет, падающий на этот расшитый тонким золотом камзол, будет другой. Задуйте старинный канделябр, зажгите какие-нибудь фантастические электронно-люминесцентные лампы. Прислушайтесь к пению знаменитого французского вокального ансамбля «Свингл сингерс», который, бережно следуя авторскому тексту, переложил его на разные человеческие голоса и добавил к ним ритмическую группу. Иной свет! И Бах от этого не перестает быть Бахом. Напротив, вскрылись другие нити в прекрасном узоре.

В электронном машинном оркестре еще четче звучат различные голоса и линии баховских инвенций и фуг. Благодаря электронной технике стала возможной такая абсолютная ритмичность и такая ровность звучания, которые остаются идеальными, и выдержать их не под силу, пожалуй, ни одному исполнителю. Это, наверное, выше человеческих возможностей. Однако не обошлось и без потерь. Как правило, в электронном звучании выигрывают те вещи Баха, что написаны в быстром движении и подчеркнута размеренном ритме, но проигрывает музыка, в которой на первом плане не ритм, а мелодия и ее широкое, по-человечески теплое дыхание. Все-таки электронный синтезатор не человек, хотя он творение его разума и рук. На человеческое тепло он не способен. А может быть, от него и не надо этого требовать! Ограничимся пока теми новыми эстетическими ощущениями, которые мы получаем, слушая Баха в электронном одеянии. Но достаточно ли этого!

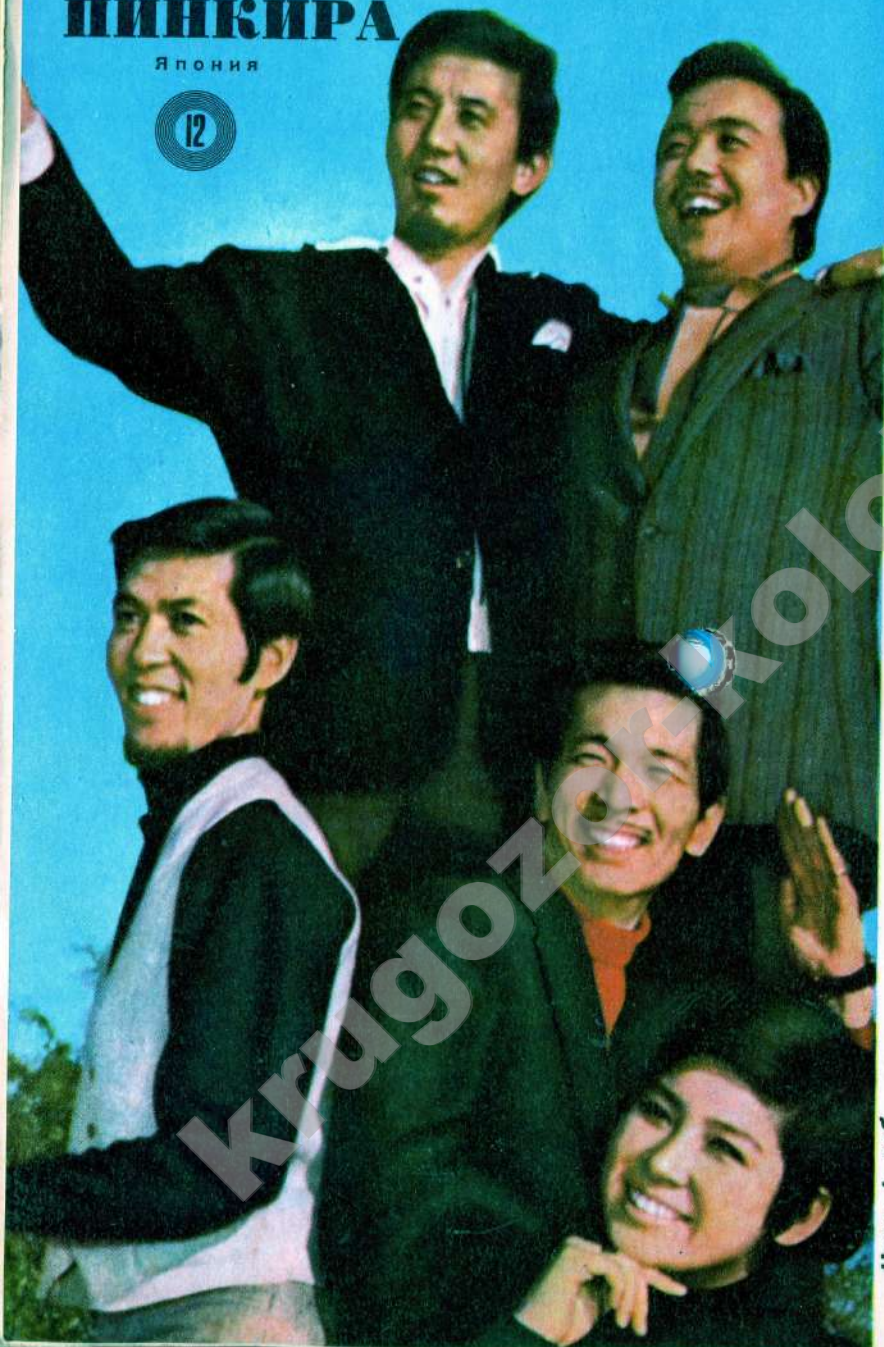
Слушайте одиннадцатую звуковую страницу «Кругозора».

ПИНКИРА

Япония

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

С недавних пор эстрадную Японию охватило повальное увлечение квартетами, квинтетами, секстетами. Первый же конкурс таких «саундо гуруппу», как их именуют здесь, собрал более сотни коллективов. Но то, что было приемлемо для европейского слушателя, оказалось чуждым японцам.

«Битовые» ритмы и излишняя экзальтация постепенно исчезли из исполнения. Неизменными остались лишь электрогитары, под аккомпанемент которых зазвучали мелодичные, спокойные песни. Такие, как в репертуаре квинтета «Пинкира».

Квинтет дебютировал в 1968 году песней, которую знают и у нас в стране: она звучит на протяжении всего фильма «Сезон любви». За нее коллектив получил свой первый приз — «Лучшим дебютантам года». Теперь «Пинкира» — самая популярная в Японии «саундо гуруппу», а ее солистка, девятнадцатилетняя Ено Имадзу, известная любителям эстрады под псевдонимом Пинки, — «звезда» первой величины.

«Нет сейчас в Японии человека, который не видал бы высокую девушку в брюках шириной в море, окруженную бородатыми мужчинами», — шуточно комментировала выступления Пинки и ее друзей газета «Асахата». Но, конечно, не за ширину брюк Пинки и не за бороды музыкантов полюбили японцы квинтет. Причины успеха прежде всего в красивом и сильном голосе солистки, которая в отличие от подавляющего большинства японских эстрадных певцов и певиц обходится без микрофона, в репертуаре, состоящем из легко запоминающихся приятных песен, в высоком профессионализме музыкантов. Популярности ансамбля способствует и активная работа коллектива в обществе «Роон», которое устраивает концерты в рабочих районах.

В Японии эстрадный исполнитель известен до тех пор, пока о нем читают в газетах, видят его на телеэкранах, слышат по радио. Стоит исчезнуть на неделю из теле- и радиопрограмм, на месяц из газетных колонок — и о нем тотчас же забудут. Поэтому рабочий день «Пинкиры» начинается с восходом солнца: надо успеть порепетировать до дневного концерта. В перерыве между ним и вечерним выступлением — запись на радио или съемка на киностудии. Ночью — запись на телевидении или снова киносъемка. В телевизионном интервью Пинки как-то спросили:

— Чего вам сейчас больше всего хочется?

— Спать, — ответила певица.

Цена 1 руб.

В. ЦВЕТОВ